

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

А. А. ПИЧХАДЗЕ

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

УДК 80/81
ББК 83
П 36

Исследование осуществлено при поддержке Министерства образования РФ,
госконтракт № 02.740.11.0168 (тема: «Создание научно-образовательной системы
для обработки и лингвистического исследования рукописных памятников Древней Руси»)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16193

Рецензенты:

д. филол. н. А. А. Алексеев,
к. филол. н. А. А. Турилов

Пичхадзе А. А.

П 36 Переводческая деятельность в домонгольской Руси:
лингвистический аспект. — М.: НП «Рукописные памятники
Древней Руси». — 408 с.

ISBN 978-5-9551-0505-5

В книге делается попытка воссоздания целостной картины переводческой деятельности в Древней Руси на основе лингвистических данных. Исследование содержит обзор переводных текстов XI—XIII вв. (около 30-ти), в которых отмечены лексические русизмы, анализ лексических русизмов и описание способов перевода греческой лексики, словоупотребления и грамматических особенностей переводных текстов с лексическими русизмами. Наиболее подробно исследуются тексты, переведенные с греческого, привлекаются также данные переводов с еврейского.

В исследовании выделяются лингвистические параметры для характеристики переводных текстов; на основе этих параметров осуществляется группировка славянских переводов, содержащих лексические русизмы; разрабатываются критерии оценки исконности русизмов в церковнославянских текстах; дается характеристика переводческой деятельности в Древней Руси — в частности, определяется объем текстов, которые могут быть атрибутированы непосредственно восточнославянским переводчикам. В книге обосновывается существование в Древней Руси нескольких переводческих направлений.

ББК 83

© А. А. Пичхадзе, 2011

© НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2011

ISBN 978-5-9551-0505-5

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, 2011

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Вопрос о переводах в домонгольской Руси.....	7
--	---

I. ОБЗОР ПЕРЕВОДОВ, СОДЕРЖАЩИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ.....	18
--	-----------

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ГРУППИРОВКА ПЕРЕВОДОВ, СОДЕРЖАЩИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ	51
--	-----------

Две группы переводов с восточнославянскими элементами в лексике.....	52
---	----

I группа — переводы, содержащие южнославянизмы.....	57
---	----

Подгруппа Хроники Георгия Амартола	57
--	----

Толковые переводы и Беседы на Шестоднев Севериана Гавальского	69
--	----

Пандекты Никона Черногорца	71
----------------------------------	----

Взаимоотношения между подгруппами I группы	72
--	----

Переводческие дублеты	75
-----------------------------	----

II группа — Студийский устав и переводы, не содержащие южнославянизмов	77
---	----

Итоги предварительной группировки.....	81
--	----

III. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКАХ	83
---	-----------

Восточнославянские регионализмы	85
---------------------------------------	----

Заимствования	85
---------------------	----

Исконная лексика	96
------------------------	----

Восточнославянские словообразовательные модели	144
--	-----

Различия в употреблении русизмов	152
--	-----

IV. ГРЕЧЕСКО-СЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГРУППЫ И СТУДИЙСКОМ УСТАВЕ.....	161
---	------------

Греческо-славянские соответствия	162
--	-----

Подгруппы в составе восточнославянской группы и вопрос о переводческих школах в Древней Руси.....	197
Индивидуальные особенности переводов восточнославянской группы и Студийского устава.....	205
V. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГРУППЫ И СТУДИЙСКОГО УСТАВА	231
Одноосновные слова	232
Сложные слова с благо-, добро-, зло-, много-, низь-	284
Греческие заимствования.....	286
Лексические особенности и группировка восточнославянских переводов	310
VI. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ С ГРЕЧЕСКОГО, СОДЕРЖАЩИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ.....	315
Формы косвенных падежей местоимений что , ничто , нѣчто	315
Аорист с приращением -тъ/-сть	316
Аорист рѣхъ , рѣша	324
Формы вѣмь и вѣдѣ	325
Перфект	327
Перифрастический прохибитив	330
Сослагательное наклонение в целевых и косвенно- побудительных предложениях	331
Индивидуальные грамматические особенности Жития Андрея Юродивого	335
Грамматические особенности и группировка переводов	347
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	350
Литература.....	357
Словоуказатель.....	383

ВВЕДЕНИЕ

ВОПРОС О ПЕРЕВОДАХ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Подавляющее большинство произведений переводной древнеславянской письменности возникло у южных славян. Оригинальная письменность восточных славян на церковнославянском языке с самого начала в той или иной степени подражала южнославянским образцам, и проникновение в текст специфически восточнославянских языковых элементов допускалось в минимальной степени. Отсутствие лексических русизмов¹ являлось нормой для древнерусских церковнославянских памятников. На фоне огромного числа церковнославянских текстов, лишенных каких бы то ни было восточнославянских лексических элементов, выделяется маленькая группа текстов, где такие элементы встречаются. На это обращал внимание уже И. И. Срезневский, отметивший лексические русизмы, например, в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и Житии Андрея Юродивого и предположивший, что эти памятники были переведены на Руси [Срезневский 1880]. Перечень переводов с лексическими русизмами, насчитывающий более 30-ти памятников, был составлен А. И. Соболевским [1897а; 1980]. По мнению ученого, они были созданы в Киевской Руси. Этот перечень может быть расширен² (впрочем, может быть и сокращен), однако дополнения будут исчисляться скорее единицами, чем десятками. Важно осознавать, что количество переводных памятников, содержащих восточнославянские элементы в лексике, очень невелико. То обстоятельство, что в ряду многочисленных церковнославянских переводов ранней поры тексты с восточнославянской лексикой являются редкостью, имеет принципиальное значение: оно доказывает, что русизмы не попадали в текст стихийно при переписи

¹ Этот термин здесь и ниже употребляется в качестве синонима выражения «восточнославянский элемент», а под прилагательным «древнерусский» подразумевается «восточнославянский», т. е. свойственный восточнославянским диалектам XI—XIII вв.

² См. следующий раздел.

сывании. На Руси в течение столетий переписывалось огромное число текстов южнославянского происхождения, в которых не обнаружено ни одной специфически восточнославянской лексемы [Молдован 1997: 66—67]. Поэтому в тех случаях, когда наличие восточнославянской лексики в церковнославянском памятнике подтверждается его текстологической традицией, русизмы следует приписывать переводчику или редактору, но не переписчику.

Список лексем, которые А. И. Соболевский считал показательными для установления восточнославянского происхождения памятника, невелик. Ученый выделил несколько лексических групп внутри этого списка: слова, имевшие в древнерусском языке значения, не известные южнославянским языкам; названия древнерусских реалий; заимствования из скандинавских, германских, тюркских, финно-угорских языков и грецизмы, отсутствующие в южнославянских языках; названия стран, городов и народов, хорошо знакомых восточным славянам и не известных южным славянам; слова, совсем не встречающиеся или редко встречающиеся в памятниках южнославянского происхождения, но частотные в оригинальных древнерусских произведениях и сохранившиеся в восточнославянских диалектах [Соболевский 1897a]. В дальнейшем исследователи в той или иной мере корректировали этот список (см. в частности [Долобко 1930]). Свой вклад в редактирование списка специфически восточнославянской лексики внес М. Н. Сперанский в связи с обоснованием древнерусского происхождения перевода Пчелы [Сперанский 1904: 293—299], а затем А. Д. Григорьев, исследователь и издатель славянской версии Повести об Акире Премудром [Григорьев 1913 Иссл.³: 524—526].

Большая дискуссия с обсуждением лексики, которую следует считать восточнославянской, развернулась после публикации перевода Хроники Георгия Амартола В. М. Истриным; ученый сопровождал издание исследованием, в котором доказывалось древнерусское происхождение перевода [Истрин 1920; 1922; 1930]. Ряд соображений по поводу того, какие слова нужно признать русизмами, был высказан оппонентами В. М. Истрина Н. Н. Дурново и П. Л. Лавровым. Разноречивые суждения о происхождении Хроники Георгия Амартола были вызваны тем, что в ее переводе бесспорные русизмы соседствуют

³ В издании А. Д. Григорьева две части — одна содержит исследование (ниже цитируется как [Григорьев 1913 Иссл.]), другая — тексты всех сохранившихся версий (ниже цитируется как [Григорьев 1913]).

с бесспорными южнославянизмами. К объяснению этого обстоятельства палеослависты оказались не готовы. И. И. Срезневский [1867: 20—21] считал, что текст дошел до нас безусловно в русской редакции, однако первоначальный перевод мог быть как болгарским, так и русским; А. И. Соболевский [1897а: 61; 1910: 177] высказал предположение, что перевод был сделан в Болгарии и затем отредактирован на Руси по греческому оригиналу; точку зрения А. И. Соболевского поддержали М. Н. Сперанский [1914: 210] и А. Достал [Dostál 1963: 380—383]. В. М. Истрин настаивал на восточнославянском происхождении перевода, несмотря на наличие в нем южнославянизмов, указанных П. Л. Лавровым [1925; 1926], который вслед за А. И. Соболевским считал перевод отредактированным на Руси, но допускал его моравское происхождение. Н. Н. Дурново [1925; 1930] предполагал совместное участие русских и болгарских переводчиков в работе над текстом. В. Розов [1925: 367—368] был склонен согласиться с мнением В. М. Истрина. Наконец, М. Вейнгарт [Weingart 1922—1923 II: 88, 91—95] высказал догадку, что Хроника была переведена болгаринном на Руси. В ходе дискуссии, таким образом, обозначилась важная особенность древнеславянской письменности — существование текстов, содержащих восточнославянизмы и южнославянизмы одновременно. Но этот факт не получил объяснения, и даже важность обозначившейся проблемы не была в достаточной мере осознана в связи с разгромом отечественной славистики в 1930-е гг.

Изучение переводной деятельности на Руси возобновилось лишь в 1950-е гг. благодаря трудам Н. А. Мещерского. Ученый исследовал и издал переводы библейской книги Есфирь и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и привел серьезные аргументы в пользу древнерусского происхождения обоих переводов [Мещерский 1956; 1958в; 1964]. Дальнейшие исследования подтвердили восточнославянское происхождение этих памятников [Lunt, Taube 1998: 238; ИИВ I: 26—39]. Н. А. Мещерский [1978: 18—21, 23] признал принципы определения восточнославянского происхождения текстов, предложенные А. И. Соболевским, в целом правильными, хотя и нуждающимися в уточнениях.

В середине XX в. Г. Бройер предпринял первую попытку определения места создания памятника по синтаксическому критерию — предпочтению индикатива или сослагательного наклонения в целевых и косвенно-побудительных придаточных предложениях [Bräuer 1957; 1959]. Выводы ученого не были приняты исследователями, поскольку

не подтверждались материалом: модель с сослагательным наклонением, которую Г. Бройер предложил считать признаком восточнославянского происхождения текста, полностью отсутствует в некоторых оригинальных восточнославянских произведениях — например, у митрополита Илариона [Молдован 1996: 264], а модель с индикативом, характерная для южнославянских текстов, употребляется в берестяных грамотах и древнерусских летописях [Мещерский 1962: 98—100; 1964: 192—198; 1978: 22—23]. Тем не менее наблюдения Г. Бройера оказались важными для определения особенностей восточнославянских переводов (см. гл. VI.7) и послужили отправной точкой для дальнейшего, более детального и дифференцированного анализа [Лесневский 1976; Молдован 1996].

Несмотря на существование фундаментальных изданий и исследований памятников с восточнославянскими элементами в лексике, целостную картину переводческой деятельности на Руси воссоздать не удавалось, и это даже не осознавалось как насущная научная задача, на что впервые указал А. А. Алексеев, подчеркнув необходимость преодоления «атомистического» подхода к изучению древнерусской переводной письменности [Алексеев 1988б: 154]. К этому времени необходимость исчерпывающего текстологического исследования материала при филологическом анализе стала аксиомой отечественного источниковедения, прежде всего благодаря трудам Д. С. Лихачева и Л. П. Жуковской. С этих позиций А. А. Алексеев подошел к изучению переводных памятников, в которых содержатся лексические русизмы, настаивая на том, что только опора на текстологию обеспечивает корректность суждений о языке памятника и надежность выводов о его происхождении. Выполнив текстологическое исследование и издание Толкового перевода Песни песней, ученый высказал гипотезу об общем происхождении толковых переводов Песни песней, Екклесиаста, Евангелия, Апостола и Толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова [Там же: 185—188; Алексеев 1999: 177—180]. Гипотеза А. А. Алексеева, получающая всё новые дополнительные подтверждения (см. гл. I, II. 3.2), стала первой попыткой выделить группу переводов с восточнославянскими элементами в лексике, объединяемых на основании общих языковых особенностей. Тем самым было положено начало группировке переводов с лексическими русизмами, что имеет решающее значение не только для воссоздания истории переводческой деятельности на Руси, но и для установления аутентичности русизмов в этих текстах.